

Мы — за конструктивное

Юрий Николаевич ЗАПЛАТИН — председатель Магнитогорского зонального комитета охраны природы — металлург по профессии. В новой для себя должности состоит недавно. Сегодня мы предлагаем читателям «ММ» беседу с ним.

ВООБЩЕ, на мой взгляд, название нашего комитета неверно: охрана какой природы имеется в виду? Давно уже пора называть природу, которую мы имеем сегодня, просто окружающей средой — так будет точнее.

Раз в месяц наш комитет собирается вместе с обществом «зеленых», другими неформалами, с работниками Гипромеца в Ленинском райкоме КПСС. Обсуждая экологические проблемы, мы единогласно приходим к выводу, что никакими «черными» цифрами население Магнитогорска уже не напугаешь. В чем дело — трудно сказать. То ли очертели мы все, то ли по привычке глотать пыль. Заболеваемость растет — ну и что? Дети все чаще больными рождаются — а у меня ничего, здоровенький...

Ведь на чем в первые месяцы своего существования выигрывало, привлекая к себе внимание горожан, «Встречное движение»? На том лишь, что не было у людей объективной правдивой информации. За полгода до выхода «на люди» «встреченцев» в нашем городе работала комиссия ЦК комсомола. Ничего нового для нас она не «откопала», просто взяла ту информацию, что у городских властей уже была, систематизировала ее и написала обширную справку на 98 страницах.

Тогда, в конце 87-го года, горком комсомола стал организовывать свой комитет по охране окружающей среды, в который привлекли многих специалистов нашего города. Тогда меня избрали председателем зонального комитета.

Первое, что мы предприняли, — решили опубликовать, сделать гласной ту самую справку на 98 страницах. И опубликовали. Весь ноябрь и декабрь прошлого года в «МР» из номера в номер печатался материал под заглавием «Город, в котором я живу». Думаю, за этой публикацией люди следили. Выдали абсолютно всю информацию — авторитет «ВД» угас. Спал бум.

Нет, я вовсе не против неформальных объединений трудящихся. Но у «Встречного движения» нет планомерной последовательной программы, которую подержала бы общественность. Вместо того, чтобы настраивать население Магнитки на оздоровление экологической обстановки в городе, они порой выхватывают «жареные» факты, не осмысливая, не обдумывая, что к чему. Тот же завод пресс-форм для обуви. Как только его ни называли: и химический объект, и еще один отравитель воздуха... А информация без всяких правок и стеснения взята из журнала «Наука и жизнь» № 4 за нынешний год.

МЫ, ЗОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ — государственное учреждение со всеми его бюрократическими недостатками: бумагами, справками, актами. Пишем на основании актов постановления о штрафах. Платят или не платят предприятия эти штрафы, куда, кому идут деньги — никому нет дела. Жаль! Я тоже не знаю, куда идут деньги с оштрафованных. Скажу точно лишь одно: не нам, не зональному комитету. Создавались такие коми-

теты аппаратчиками, причем не у нас в городе, а в области.

Что тут поделаешь? Какие бы ни были сигналы, даем бумаги наверх — а там хоть трава не расти. Подняли шум по загрязнению реки Урал — она ж на стыке с Белой — и что? Прошли наши бумаги по кругу инстанций и снова к нам вернулись. Пришлось собраться совместно с Башкирским комитетом и самим решать, как быть. Но что толку — не работает эта природоохранная система. Да и условий у нас нет. Нет лабораторий, нет нужных приборов. Информация наша — это только то, что дает комбинат, главный «загрязнитель» воздуха, воды и почвы.

При этом металлурги знают, что в металлургическом производстве используются такие вредные для организма человека металлы, как свинец, цинк, марганец, хром, ванадий. Но ни в одной сводке промвыбросов они не фигурируют.

Конечно, металлургическому комбинату хватает своих дел и забот, экологией он занимается вынужденно. Но это, к сожалению, никаких надежд на улучшение не дает.

Многие ждут, что с пуском ККЦ воздушная среда над городом улучшится. И понятно: по проекту видно, что все промвыбросы с конвертеров будут улавливаться и очищаться. К слову сказать, уловить конвертерные выбросы проще, чем мартеновские. Популярно сказать: конвертер — как бутылка, а мартен — ванна. Конечно, из бутылки выбросы проще уловить, чем из ванны. В этом нет ничего нового.

Но ввод первой очереди ККЦ отложен до будущего года, а вторая очередь нового цеха отложена еще на более поздний срок...

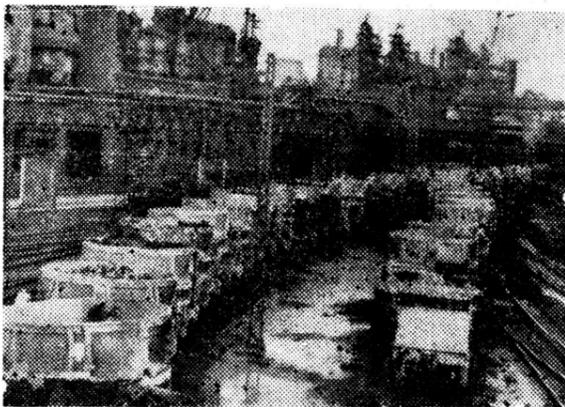
Кроме того, сооружения, которые мы

называем газоочистными, по сути — всего лишь пылеуловители. А пыли в промвыбросах только около 20 процентов. Так что: уберем пыль и дым над городом — и успокоимся? Газы-то не видны, хоть их в выбросах 80 процентов. Улавливание газов в отечественной металлургии совсем не предусмотрено. Сероочистка на ГОП не в счет. Тем более, что сероочистка, очищающая выбросы аглофабрик от серы, находится сегодня в аварийном состоянии...

ЗА ДВА ГОДА работы в зональном комитете по охране природы я понял, что очень трудно, практически невозможно что-то сделать быстро, немедленно. Мы, люди, как устроены? Назвал плохим, так сделай так, чтобы с понедельника все было хорошо. Чтобы с понедельника, например, воздух был чистым. Так не получится, и давать невыполнимых обещаний нельзя. И потому считаю, что нужна продуманная глубокая работа на перспективу. Нужно перевооружение комитета, без которого мы никогда не будем иметь объективной информации о состоянии окружающей нас среды.

Одновременно надо наладить партнерские отношения между комбинатом и службой экологии. Пока мы словно играем в «воров и сыщиков». При этом в роли «сыщика», разумеется, зональный комитет по охране природы...

«Поймать» ММК трудно, практически невозможно. Сами рабочие не очень-то активны: не сообщают, не предупреждают об аварийных выбросах. Поэтому мы выезжаем на место и берем пробы воздуха, воды, почвы. Если обнаруживаем превышение ПДВ (предельно допустимых выбросов), составляем акт и пишем постановление о штрафе.

Голубое небо — реальность или мечта?

Как быстро меняется сознание человека! Еще вчера магнитогорцы чувствовали себя причастными к большому нужному делу, гордились комбинатом, городом, воспевали поэзию дымов и зарево над трубами. Сегодня все перевернулось.

Вот об этом и пойдет сегодня речь. Нашей собеседницей стала начальник водной лаборатории службы охраны природы комбината Валентина Михайловна ПРЯДИНА.

— Валентина Михайловна, не секрет, что в последнее время у горожан появилось негативное отношение к металлургическому комбинату как главному «отравителю» воздуха и воды. А его специалисты, владеющие достоверной информацией, отмалчиваются. Почему? Не позволяет «честь мундира»?

— Если бы от регулярных объявлений о состоянии нашей воздушной атмосферы она улучшалась... Но изменения-то происходят не от слов, а от дел. И комбинат упорно и настойчиво их добивается.

— В чем эти изменения?

— Как ни затерты кажутся эти слова, других нет: в результате реконструкции комбината. Ведь что сейчас мы имеем? Технологию выплавки металла и оборудование 30-х годов. Когда вводились в строй мартены и домы, никто не помышлял о дымах, выбро-

шен был металл. Нынче же без перевооружения и реконструкции оборудования, без освоения новых технологий ставь хоть самые наисовершеннейшие очистные сооружения, положения не спасает. Заметные улучшения мы почувствуем лишь с вводом кислородно-конвертерного цеха.

— А какую цифру сейчас составляют выбросы в атмосферу?

— Скажу только, что промвыбросы в три раза превышают предельно допустимые нормы.

— Реконструкция комбината проводится и будет продолжаться, наверное, не один год. А что можно изменить сейчас?

— За счет принимаемых мер по охране воздушного бассейна удалось не только предотвратить рост промвыбросов, но и значительно их снизить. Даже при существующих, далеко не совершенных газоочистных и пы-

леулавливающих установках соблюдение технологической и исполнительской дисциплины, проведение организационно-технических мероприятий дает снижение вредных выбросов в атмосферу порядка 20 тысяч тонн в год.

— Однако в городской печати и даже в центральных журналах, так сказать, ведомственные специалисты — работники санитарной станции, общества охраны природы — говорят об увеличении выбросов.

— Называются неправильные цифры.

— А откуда они берутся? Разве не из нашего воздуха?

— Санэпидстанция, к примеру, делает замеры воздуха из эпицентра во время залповых выбросов, когда они случаются. Конечно, в это время число вредных веществ в воздухе угрожающе большое. Но это не истинная картина. Достоверными сведениями могут быть только тогда, когда есть ежедневный анализ. И такой контроль осуществляет лаборатория охраны атмосферного воздуха комбината. Ежедневные контрольные цифры анализируются и передаются на рассмотрение администрации комбината.

Еженедельно у директора на совещаниях они рассматриваются и по ним принимаются незамедлительные меры.

— Какие это меры и к кому?

— К нарушителям технологии, по чьей вине происходят выбросы в атмосферу больше допустимых норм. Виновные не остаются без наказания, насколько мне известно.

— Валентина Михайловна, в начале беседы вы говорили о несовершенстве существующих очистных сооружений. Так, может, виновные не так и виноваты?

— Хочу еще раз подчеркнуть: соблюдение технологической и исполнительской дисциплины даже при нынешних возможностях пылегазоулавливающего оборудования может играть значительную роль в чистоте воздушного бассейна.

Техническая политика в части охраны окружающей среды предусматривает тесную увязку модернизации основного технологического оборудования и реконструкцию очистных сооружений. Сегодня ни один капитальный ремонт не проходит без ремонта очисток. На комбинате в настоящее время эксплуатируется 440 пылегазоочистных сооружений, сум-

марная мощность которых составляет 22 млн. м³/час пылегазовых выбросов.

— Слышала о безотходной технологии выплавки металла, много лет предлагаемой профессором А. М. Бигеевым, которая упорно не принимается якобы по причине отсутствия аналогов. Что вы на это скажете?

— Хочу заметить, что критики со стороны наших ученых много, но практической помощи почти нет. Профессором Бигеевым в 60-е годы была предложена технология выплавки стали в двухванных агрегатах. При этом ученый давал твердую гарантию на то, что электрофильтры с успехом справятся с отходами производства. Кстати, на этом он защитил докторскую диссертацию. Что из этого получилось, знают все: дыма прибавилось значительно.

Точно так же может случиться и с предлагаемым методом, и мы теперь имеем право не рисковать. Причем, предлагаемая Бигеевым технология отнюдь безотходна и к тому же дорогостояща.

— Так что же, уповать только на ККЦ?

— Да. С вводом кислородно-конвертерного цеха и в комплексе с ним аглофаб-

рики мы выведем из производства мартены, что несравнимо улучшит экологию. При строительстве ККЦ на природоохранные сооружения предусмотрено 45 млн. 319 тыс. рублей, что составляет 15 процентов всех средств. При нынешнем положении доля природоохранных сооружений составляет 5,7 процента к стоимости основного производства.

Нынче задача номер один для инженерных служб комбината — это внедрение новой технологии как по основному производству, так и по способу очистки. Только в таком комплексе реконструкция комбината даст значительный эффект. Побывавшие недавно на нашем предприятии западно-германские специалисты также подтвердили правильность нашей технической политики. Они утверждают, что безотходных технологий выплавки металла практически не существует. И только в комплексе с производством внедрение глубокой очистки поможет избежать загрязнения атмосферы.

— Валентина Михайловна, а как у нас состояние с водой?

— За последние годы на комбинате построен ряд крупных водоохранных объектов. Это оборотный цикл северной группы прокатных цехов, станция нейтрализации листопрокатных цехов № 2 и 3, установка биохимической очистки стоков коксохимического производства и ряд других. В результате промводоснабжение ММК представляет собой разветвленную систему оборотного водоснабжения на 95,5 процента. Чистота водного бассейна у нас выше, чем в других регионах.

До голубого неба нам еще далеко, но все, что делается на комбинате для улучшения экологии и охраны окружающей среды, обнадуживает.

Записала
Н. БАРИНОВА.